

ДАВИД БОРОВСКИЙ

Сценография - важная часть современного театра, и единственное, что я точно поняла из области сценографии: она не может быть бытовой, поэтому это и называется не декорационное искусство, а сценография. Это должен быть художественный образ, в котором выражается мысль режиссера.

Мне кажется, что талант Давида Боровского в том, что он не просто художник, а художник-режиссер, мышление у него режиссерское. В его книге “Убегающее пространство” очень много именно режиссерских наблюдений, например: женщина, которая набирает и букет из цветов, валяющихся на асфальте после прохода погребальной процессии. По-моему именно из этого пристального взгляда на жизнь рождается сценография. Его сценография - это целый неделимый образ, который сам по себе вызывает у зрителя эмоцию. При этом не требуется ничего вычурного, кричащего - нет, решения обычно простые и естественные. Прелесть в том, что естественные, тут есть особый момент волшебства, когда зритель с первых секунд принимает правила игры (режиссера, художника) и принимает на веру условность, не успев подумать, о том, насколько это гениально. То есть зритель приходит на “Наполеона и корсиканку”, заходит в зал и видит хлев со стойлами, сеном, одним окном и перевернутым столом, видит в этой обстановке человека и тут же, не задавая никаких лишних вопросов, считывает образ и эмоционально на него реагирует - зрителю становится больно за этого человека в этих нечеловеческих условиях. Таким образом художник помогает режиссеру в выражении идеи спектакля.

Уникальность Боровского в том, что его сценографические образы целостны и неразделимы. Я это очень хорошо поняла, когда об этом зашла речь на занятии по режиссуре. Бывает так, что декорации бытовые с отдельными образными, условными элементами, а у Боровского вся декорация - образ, идея. Если идти по пространству Боровского, то первым будет макет к опере “Катерина Измайлова”. Этот макет похож на гроб. Представляю себе это на сцене: тяжелая деревянная коробка, даже окон нормальных нет, окна - прорези стенах с такими же тяжелыми деревянными ставнями. И сразу возникает ощущение тяжести, тяжести этих людей. А ассоциация гроба вообще говорит сама за себя. Это вселяет

ужас. А на самом-то деле это дом богатого купца, и бытовая обстановка должна быть пышной, но нет. И это верно. Дальше “Подросток” по Достоевскому с системой лабиринтов из ширм - лабиринтов города, городского общества. Потом “Насмешливое мое счастье”, “ Наполеон и корсиканка”, “Дон Кихот. 1938 год”. Есть что-то, чего я еще не понимаю. Я не схватила образ “Платона Кречета”, как ни пыталась. Но есть работы, которые меня глубоко поразили, например “Вишневый сад” 1995 года в Греции. Вместо сада - черные толстые столбы побеленные снизу, как деревья. От такого сразу становится немного жутко. Ты еще не задумываешься над тем, что именно это значит (отмирание, конец эпохи, смерть людей былого времени - смерть деревьев, мертвый сад), ты просто чувствуешь этот холодок в сердце, и сразу все ясно, сразу ясен спектакль, его тон. Абсолютно замечательная декорация к “Чайке” 1982г, Будапешт. Хлипкого вида деревянный помост-сцена, в середине - озеро, над озером - занавеска на проволоке, как из старой ванной. Очень бьющая по чувства картина. Вот она - сцена для Нины. Чайки летают над водой? А Нина летает над этим озером похожим на лужу. Во втором акте озеро замерзло - превращалось в лед. Образ этого спектакля - птица, вмерзшая в озеро. При чем вмерзшая не статично, а на взлете. И это целостный образ. Это условный театр, но эта условность безумно правдива - в этом гений Боровского.

Особое внимание я бы хотела уделить маленьким деталям, их я иногда чувствую даже лучше, чем общий образ. Я много слышала и читала о спектакле “ А зори здесь тихие” на Таганке, и сколько бы мне не показывали фотографии спектакля и макета, концепцию кузова, который превращается в лес и болото, я понимаю очень условно, может потому что мое воображение не способно воспроизвести целостную картину. Но когда я читаю, что на брезенте, закрывающем кузов, были следы-елочки от покрышек фур, у меня мурашки по коже бегут. Елочки из-под колес военных машин. Военный лес. Лес, по которому проехала война. По-моему гениально. Или те же бутылки-подсвечники в “Наполеоне и корсиканке”, потому что в этом хлеву на острове Святой Елены, где Наполеон проводил последние дни жизни, не могло быть подсвечников! Обстановка другая, уровень существования другой! Могу быть только бутылки из-под выпитого вина. Такие детали восхищают меня, потому что

они одновременно и жизненно-живые, правдивые и очень образные.

По-моему суть в этом сочетании правды жизни и вымысла, деталей и образа, условности и безусловности, а это и есть Боровский. Сегодняшнему театру необходим сценограф подобного масштаба и хода мысли.